

А.А.ГОРСКИЙ

РУССКОЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
ТРАДИЦИОННЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И
ДАННЫЕ
ИСТОЧНИКОВ

История и наука Рунета

Антон Горский

**Русское Средневековье.
Традиционные представления
и данные источников**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 94(47)"04/14"
ББК 63.3(2)4

Горский А. А.

Русское Средневековье. Традиционные представления и
данные источников / А. А. Горский — «Издательство АСТ»,
2022 — (История и наука Рунета)

ISBN 978-5-17-145154-7

Как долго продолжалось татаро-монгольское иго? Кто был автором «Слова о полку Игореве»? Кто назвал князя Александра Невским, а князя Ярослава Мудрым? На эти и многие другие вопросы отвечает доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН Антон Горский. В книге «Русское Средневековье» автор восстанавливает историческую справедливость и развенчивает некоторые мифы так называемой альтернативной истории. Взгляды А. Горского в ряде случаев отличаются от официально признанных, поэтому погружение в средневековую Русь становится еще более интересным. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(47)"04/14"
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-17-145154-7

© Горский А. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

А. А. Горский

Русское Средневековье

© А.А. Горский, 2022

© Государственная Третьяковская галерея, 2022

© Издательство АСТ, 2022

* * *

Предисловие

В 2004 г. автор этих строк опубликовал книгу, которая состояла из двух десятков очерков, рассматривавших спорные и узловые проблемы истории русского Средневековья. Эта работа была рассчитана на специалистов и издана тиражом 1000 экземпляров¹. В 2010 г. в издательстве «Астрель» увидело свет научно-популярное переложение большинства очерков (а также некоторых работ автора, вышедших после 2004 г.)². В 2016 г. издательство «Ломоносов» выпустило второе издание, содержащее добавления, в том числе целой главы (гл. 9)³. Предлагаемая книга представляет собой, таким образом, третье издание (содержащее ряд уточнений и библиографических дополнений).

Название книги подчеркивает направленность ее составных частей: речь пойдет о тех традиционных представлениях о средневековой Руси, которые не выдерживают проверки внимательным анализом исторических источников. Автор этих строк предпочитает хронологически неопределенному термину «Древняя Русь» понятие «Средневековая Русь», вводящее историю страны в общеевропейскую периодизацию. Средними веками в истории Европы принято называть период с V по XV столетие н. э. Соответственно Русское Средневековье – это период от возникновения русской государственности до XVI века.

Антон Горский,

российский историк, профессор кафедры истории России до XIX века исторического факультета МГУ им. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

¹ Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

² Горский А.А. Русское средневековье: Мифы и историческая действительность. М., 2010.

³ Горский А.А. Средневековая Русь: О чем говорят источники. М., 2016.

Глава 1

О так называемых племенах восточных славян

Каждому, кто интересовался ранней историей нашего Отечества, хорошо знакома картина расселения восточных славян, рисуемая «Повестью временных лет» – киевской летописью начала XII столетия. Эта картина многократно воспроизведена к тому же на исторических картах, в том числе в атласах, предназначенных для учащихся средней школы. Таким образом, если не с самим летописным текстом, то как минимум с воспроизведением содержащейся в нем информации на карте должно быть знакомо вообще практически все население страны.

Согласно «Повести временных лет», на Среднем Днепре, в районе будущего Киева, поселились *поляне*. К северо-западу от них, на правобережье правого притока Днепра – реки Припяти – жили *древляне*. Севернее древлян, между Припятью и Западной Двиной, обитали *дреговичи*. Верховья Западной Двины, Днепра и Волги занимали *кривичи*; их двинская часть именовалась *полочане*. На севере Восточной Европы, у озера Ильмень, поселились *словене* (наименование этой общности совпадало с общеславянским названием⁴). На левобережье Днепра, по рекам Десна, Сейм и Сула, обитала общность под названием *север* (более поздняя форма названия – *северяне*). На Западном Буге жили *бужане* (позже ставшие именоваться *вольнянами*). На реке Сож (левом притоке Днепра, севернее Десны) расселились *радимичи*. Район Верхней Оки занимали *вятичи*. Наконец, в Поднестровье (и вплоть до низовьев Дуная), на крайнем юго-западе Восточной Европы, жили *уличи* и *тиверцы*. «Повесть временных лет» относит складывание этой картины расселения славян по Восточной Европе к эпохе до середины IX столетия. Рассказ о ней помещен во вводной части летописи, где нет дат: первая датированная статья помечена 852 г.⁵

Что представляли собой перечисленные славянские общности? Такой вопрос может показаться излишним и даже странным. Наверняка любой человек, сколько-нибудь знакомый с исторической литературой, ответит: ну, разумеется, они были племенами! Ведь коль скоро это еще не государства, значит – племена. И в самом деле, в исторической науке данные догосударственные образования славян постоянно именуются «племенами». Этот термин присутствует иногда даже в заголовках исследовательских трудов: так, книга видного советского археолога П.Н. Третьякова (изданная в 1941 и вторично в 1953 гг.) называлась «Восточнославянские племена». Нередко, правда, историки предпочитают называть восточнославянские общности, перечисленные «Повестью временных лет», не племенами, а «союзами племен», утверждая, что они включали в себя более мелкие образования, которые и были собственно «племенами». Но сути дела это не меняет: все равно основой общественной структуры признается племя.

Но откуда, собственно, ведет начало столь непоколебимое убеждение, что восточные славяне делились именно на племена? В исторической литературе названные в летописи общности именуются племенами с такой уверенностью, что у читателя-неспециалиста может сложиться впечатление, что они называются «племенами» в самих исторических источниках, в той же «Повести временных лет» или в иных памятниках древнерусской письменности. Это тем более должно казаться вероятным, поскольку слово «племя» – древнее и общеславянское.

Однако на самом деле восточнославянские догосударственные общности *ни в одном историческом источнике не называются племенами*. Слово «племя» употреблялось в раннее Средневековье в иных значениях – «потомство», «семья», иногда «народ», но *никогда* не при-

⁴ В раннее Средневековье этноним «славяне» звучал именно так – *словене*.

⁵ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 8–12.

лагалось к перечисленным «Повестью временных лет» восточнославянским образованиям. То есть в применении к ним «племя» – это чисто условный научный термин.

Но, может быть, хотя слово «племя» и не встречается в источниках по отношению к полянам, древлянам и подобным им общностям, оно применимо к ним именно в смысле научного понятия?

В науке «племенами» принято называть общности, основанные на кровнородственных связях, а именно – объединения родственных *родов*. Представление о таком устройстве, которое принято называть «родо-племенным», было выработано в науке в XIX столетии. Сначала оно сложилось в результате изучения общественного устройства народов, сохранивших до Нового времени архаический общественный строй, – в первую очередь индейцев Северной Америки. Затем сходные явления были прослежены по историческим источникам у многих европейских народов – древних греков, римлян, германцев – в эпохи до образования у них государств. Постепенно стало признаваться, что родо-племенное устройство было стадией в развитии всех народов. В приложении к истории славян это означало, что и они никак не могли миновать данный этап общественной эволюции. Ну а если поставить вопрос – когда у славян существовали племена? – ответ напрашивался сам собой: естественно, до образования государств! И коль скоро перечисленные «Повестью временных лет» общности не являлись государственными образованиями, стало быть, они суть племена. Это, казалось бы, очевидно, ничего иного просто быть не может.

На деле все оказывается не так элементарно. Чтобы разобраться, необходимо взглянуть на карту расселения раннесредневековых славян в целом, включая западных и южных, причем взглянуть с точки зрения их этнонимов – так называемых «племенных названий».

Источники VII–XII вв. – византийские, западноевропейские, древнерусские, чешские, польские – донесли названия около сотни славянских догосударственных общностей. Традиционно считается, что они подразделяются с точки зрения особенностей словообразования на две группы – на названия «топонимические» и «патронимические». Первую составляют наименования с суффиксом – *ане/яне* (поляне, древляне, мораване и т. п.); они происходят от местности обитания той или иной общности: поляне – жители «поля», т. е. открытого пространства, древляне (от «дерево») – жители лесов, мораване – живущие по реке Мораве и т. д. Вторая группа – названия с суффиксом – *ичи* (кривичи, радимичи, вятичи, лютичи и т. п.); эти этнонимы восходят к личным именам, именам предков («патронимам»)⁶.

Однако такие представления, мягко говоря, не вполне точны. Рассмотрение всех догосударственных славянских этнонимов показывает, что названия с окончанием – *ичи* далеко не всегда (а точнее, крайне редко) могут быть возведены к личным именам. Более того, они зачастую связаны с местностью обитания, т. е. относятся как раз к «топонимическим» названиям: например, «дреговичи» – обитатели «дрегвы», т. е. болотистой местности; «струменичи» (южнославянская общность в Македонии) – от реки Струмы (Стримона); «берзичи» (также в Македонии, у Охридского озера) – «живущие на берегу». С точки же зрения численного соотношения этнонимов явно преобладающими оказываются названия, связанные с местностью обитания (либо с гидронимами – названиями рек и озер, либо с теми или иными особенностями ландшафта), – около 80 % среди этнонимов, происхождение которых можно определить. При этом преобладание названий этого типа прослеживается во всех регионах славянского расселения в раннее Средневековье – и в Восточной Европе, и в Центральной, и на Балканском полуострове, т. е. и у восточных, и у западных, и у южных славян. «Топонимические» этнонимы преобладают в источниках и VII, и IX, и X столетий⁷.

⁶ См., например: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 26.

⁷ См.: Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 2011. С. 135–148.

Вывод о преобладании среди славянских этнонимов раннего Средневековья названий, связанных с местностью обитания, влечет между тем за собой умозаключения, полностью подрывающие представление о славянских догосударственных общностях этой эпохи как о «племенах».

В VI–VIII вв. происходит так называемое Расселение славян, явившее собой завершающий этап Великого переселения народов – грандиозного миграционного движения, охватившего Европейский континент в середине I тысячелетия н. э. и полностью перекроившего этническую и политическую карту континента. Расселение славян осуществлялось по трем основным направлениям: 1) на юг, за Дунай, на Балканский полуостров, на территорию Восточной Римской (Византийской) империи; 2) на запад в Среднее и Верхнее Подунавье и междуречье Одера и Эльбы (на территории, с которых ушли на запад германские племена, у которых миграции начались раньше, чем у славян); 3) на восток и север по Восточноевропейской равнине (на земли балтских и финно-угорских народов). В результате славянами был заселен весь Балканский полуостров, лесная зона Восточной Европы до Финского залива на севере, Немана и среднего течения Западной Двины на западе, верховья Волги, Дона и Оки на востоке, нижнее и среднее течение Дуная, междуречье Одера и Эльбы, южное побережье Балтийского моря от Ютландского полуострова до междуречья Одера и Вислы. Так вот, большинство этнонимов раннесредневековых славян встречаются на *вновь заселенных территориях*. К территориям, на которых славяне предположительно жили до Расселения⁸, относится лишь около 20 % названий. Основная же их масса фиксируется в районе рек Одера и Эльбы, в Среднем Подунавье, на Балканском полуострове, в лесной зоне Восточной Европы – т. е. там, где славяне появились в результате миграций, т. е. не ранее VI–VII вв. Большинство этих этнонимов, напомним, связано с особенностями местности обитания. Но на вновь заселенной территории эта местность обитания – *новая* для той или иной группировки. Следовательно, название общности появлялось только после заселения, со старого места проживания оно принесено быть не могло. Таким образом, надо признать, что названия большинства восточнославянских общностей раннего Средневековья – *новые, появившиеся только после Расселения VI–VIII вв.*

Между тем самоназвание – один из важнейших индикаторов этнической общности. Это главный показатель самоидентификации этноса – группы людей, осознающих общность происхождения. У славян же после Расселения происходило, получается, в массовом порядке появление новых самоназваний. Это может свидетельствовать только об одном: славянские образования, которые складывались после миграций, не были в большинстве случаев поначалу связаны представлениями об общем происхождении. Очевидно, в ходе Расселения происходила ломка племенной структуры, и осколки прежних племен, объединяясь в ходе миграций или уже на месте нового поселения, создавали новые общности, имевшие уже чисто территориальную основу.

В пользу такой трактовки событий говорит и терминология, применяемая по отношению к славянским догосударственным общностям в византийских источниках (т. е. в памятниках, созданных в наиболее развитом европейском государстве той эпохи). Если, говоря о славянах эпохи миграций, VI–VII вв., византийские авторы употребляют понятия «этнос» и «генос», указывающие на этническую близость, то для конкретных славянских общностей, занимающих определенную территорию, с VII столетия используется другой термин – «славинии» (от слова «славяне»), с указанием названия того или иного образования⁹. Причем это касалось не только славян южных, соседей и частично подданных Византии, но также и западных и восточных славян. Так, император Константин VII Багрянородный, составляя в середине X столетия

⁸ Среди исследователей нет единого мнения, где обитали славяне до VI столетия, но большинство сходится на том, что накануне Расселения они занимали территорию между Средней Вислой и Средним Днепром.

⁹ См.: Литаврин Г.Г. Славинии VII–IX вв. – социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.

трактат «Об управлении империей», писал в главе, посвященной Руси как соседу Византии, о восточнославянских общностях, зависимых от киевских князей. При этом он определял их не как «народы» («этноты»), а как «славинии древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян»¹⁰.

«Неплеменной» характер славянских догосударственных общностей раннего Средневековья вовсе не является чем-то уникальным в истории. За последние полвека на основе изучения общественного устройства народов, сохранивших архаический строй до Нового времени, специалисты по политической антропологии пришли к выводу, что племя не перерастает в государство. Между племенным и государственным устройством существовала особая стадия. Ее принято обозначать английским словом *chiefdom* (от *chief* – вождь), что обычно переводится на русский язык как «вождество». При этом стадия вождеств подразделяется на несколько этапов: наиболее признано деление вождеств на простые и сложные. Главное отличие племени от вождества в том, что племя эгалитарно: в нем существуют старейшины, но они не являются наследственной знатью. Напротив, вождество иерархично: в нем существуют знатные роды, в первую очередь род вождя¹¹. Славянские догосударственные общности VII–IX вв. соответствуют признакам именно «вождеств», а не «племен»: в них фиксируется наследственная власть вождей – князей.

Племена у славян существовали не накануне образования государств, как традиционно считается, а гораздо ранее, в эпоху до начала Расселения – до VI столетия, для которой сведения о внутренней структуре славянского общества практически отсутствуют (само имя «славяне» появляется в исторических источниках только в VI столетии). В период же Расселения VI–VIII вв. у славян происходил слом племенной структуры общества¹². В результате сформировались новые общности, носившие уже территориально-политический характер (их можно, отталкиваясь от византийской терминологии, условно именовать «славиниями»). Этот вывод важен постольку, поскольку традиционное представление о племенном устройстве славян, в том числе восточных, накануне образования государств ведет к неоправданной архаизации их общественного развития, подталкивает к представлению о некоей общественной «неразвитости», «дикости»¹³. На деле славянские государства складывались не на племенной основе, а на основе переходной структуры, которая уже не являлась племенной, но еще не была государственной. Время, которое отпустила этой структуре история, было (для большинства «славиний») небольшим. Так, по совокупности данных письменных источников и археологии, формирование известной по «Повести временных лет» структуры восточной ветви славян можно датировать VIII – первой половиной IX в., а уже к концу X столетия все ее составляющие – «славинии» Восточной Европы – вошли в состав государства Русь.

В связи с выводом о неплеменном характере славянского общества накануне образования государств по-новому видится и проблема так называемой родо-племенной знати у славян. Еще недавно в историографии не вызывало сомнений, что такой слой, состоявший в первую очередь из старейшин родов и племен, у славян раннего Средневековья, в том числе восточных, не только существовал, но играл ведущую роль в обществе. Сплошь и рядом можно было встретить утверждения, что в первую очередь именно из родо-племенной знати формировался в славянских государствах, в том числе на Руси, «класс феодалов». В конце XX столетия, однако,

¹⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 50–51.

¹¹ См.: Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2004. С. 149–192.

¹² Этот вывод распространяется и на территорию вероятного «старого» (до VI в.) славянского заселения – между Вислой и Средним Днепром, поскольку здесь также преобладают названия по местности обитания; миграции происходили и в этом регионе.

¹³ Этому отчасти способствовал автор «Повести временных лет», поместивший во вводной части своего произведения описание «зверинского образа» жизни древлян, северян, радимичей и вятичей. Но его целью было противопоставление их полянам – предкам киевлян, имевшим «обычай кроток и тих» (Повесть временных лет. С. 10–11).

утвердилось представление, что ведущую роль на Руси в эпоху государствообразования играла другая категория знати – служилые люди князя, носившие наименование *дружина*. Но представление о наличии в раннесредневековом славянском обществе наряду с дружинной знатью также родо-племенной продолжает бытовать.

Сложность состоит в том, что исторические источники не содержат сведений, из которых можно было бы вывести не только тезис о ведущей роли родовых и племенных старейшин в славянском обществе, но и самый факт их существования... Причем таких сведений нет не только для IX–X вв., для эпохи складывания Руси и других славянских государств: ясные известия о родоплеменной знати отсутствуют даже для периода славянского Расселения, для VI–VIII столетий!¹⁴

Дело в том, что наличие у славян родо-племенной знати как видной общественной силы ученые постулировали по аналогии: такого рода категория на определенном этапе развития известна у всех народов. А поскольку признавалось, что у славян накануне образования государств существовал племенной строй, постольку несомненным представлялось и наличие в этих якобы «племенах» (делящихся на роды) племенных и родовых старейшин. Их как бы не могло не быть; и если источники их не упоминают, тем, что называется, хуже для источников...

Однако если признать, что племенное устройство у славян рухнуло в эпоху Расселения, что известные нам раннесредневековые общности сложились на обломках родоплеменного строя, то молчание источников о родо-племенной знати перестает быть загадочным и представлять проблему. Родовые и племенные старейшины у славян несомненно существовали и играли важную роль в обществе, но тогда, когда господствовала племенная структура – до начала масштабных миграций, до Расселения VI–VIII вв. В ходе же Расселения, по мере того как племена распадались, а из их обломков на местах нового поселения формировались новые общности, уже не на племенной, а на территориальной основе, на первый план выдвигалась новая знать – княжеские дружины, а старая племенная знать теряла свои позиции. Если она и сохранялась в новых, территориально-политических общностях («славиниях»), то играла второстепенную роль, поэтому источники ее практически и «не замечают».

Формирование у славян государств отталкивалось от постплеменной территориальной структуры, от структуры «славиний». Причем имели место два основных типа государствообразования.

1. Подчинение одной «славинией» других. По этому типу шло складывание государства в IX в. в Великой Моравии и в IX–X вв. – на Руси, в Польше и Чехии. В Моравии ядром образующегося государства была «славиния» мораван, в Польше – гнезненских полян, в Чехии – чехов, на Руси – полян киевских.

2. Формирование государства в рамках одной крупной «славинии». Этот путь характерен для северо-запада Балканского полуострова (Сербия IX–XI вв., Хорватия IX–X вв.), Карантинии (государство, созданное предками современных словенцев, VIII в.) и ободритов – «славинии», обитавшей на правобережье Нижней Эльбы (X–XI вв.).

Из всего сказанного можно сделать следующий общий вывод.

В ходе Расселения VI–VIII столетий у славян произошло крушение племенного строя. Славянские догосударственные общности, известные начиная с VII века, в том числе восточнославянские группировки, о расселении которых рассказывает «Повесть временных лет», племенами (равно как и союзами племен) не являлись. Это были общности территориально-политического характера. Именно на их основе формировались славянские государства.

¹⁴ Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. С. 155–174.

Приложение

«Повесть временных лет» о расселении восточных славян

Древнерусский текст

Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчки ради, иже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ. А друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи и по Сулѣ, и нарекошася сѣверь...

И по сихъ братьи (*по смерти Кия, Щека и Хорива – легендарных основателей Киева.* – А. Г.) держати почаша родъ ихъ княженье¹⁵ в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане. Отъ нихъ же кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ; тудѣ бо сѣдять кривичи. Таже сѣверь отъ нихъ...

Се бо токмо словѣнскъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверь, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же вельняне...

Поляномъ же живущимъ особѣ, якоже рекохомъ, сущимъ от рода словѣньска, и нарекошася поляне, а деревляне от словѣнъ же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи отъ ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясѣхъ, Радимъ, а другой Вятко, и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася вятичи. И живяху в мирѣ поляне, и деревляне, и сѣверь, и радимичи, вятичи и хрватѣ. Дулѣби живяху по Бугу, где ныне вельняне, а улучи и тиверьци сѣдаху по Днѣстру, присѣдаху къ Дунаеви. Бѣ множество ихъ; сѣдаху бо по Днѣстру оли до моря, и суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ грекъ Великая Скуфь...

Перевод

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами...

¹⁵ Отметим, что слово «княжение», которым автор «Повести временных лет» обозначил этап в развитии общественной организации «славиний» Восточной Европы, есть точный древнерусский эквивалент англ. *chiefdom* – «вождество». То есть древнерусский книжник определил устройство восточнославянских догосударственных общностей тем же словом, что вошло в обиход современных этнологов, только восемью с половиной веками раньше...

И после этих братьев стал род их держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город – Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят северяне...

Вот только кто говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волянянами...

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи – от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов – Радим, а другой – Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне воляняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и возле Дуная. Было их множество: сидели они по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доныне; и греки называли их «Великая Скиф»...

(Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 8–10, 144, 146)

Глава 2

Причуды «варяжской проблемы»

В истории русского Средневековья особое место занимают три проблемы. Особое в том смысле, что они оказывают сильное эмоциональное воздействие на широкие круги людей, интересующихся историей Отечества. Одна из них – проблема подлинности «Слова о полку Игореве», к которой мы обратимся позже, в главе 7 книги. Другая – отношения Руси и Орды; им будут посвящены главы 9–13. Третья – так называемая варяжская или норманнская проблема.

В массовом историческом сознании господствует представление, что по поводу образования государства на Руси в науке идет многолетняя, а точнее уже многовековая дискуссия между «норманистами» и «антинорманистами». Первые считают, что Древнерусское государство образовали скандинавы (в раннее Средневековье называемые в Западной Европе поллатыни норманнами – *Nortmanni*, т. е. северными людьми), а вторые с ними не согласны. Началась дискуссия в середине XVIII столетия, когда русский ученый-энциклопедист М.В. Ломоносов оспорил точку зрения на возникновение Древнерусского государства, высказанную немецкими историками, работавшими в России – Байером и Миллером. В дореволюционной историографии перевес был у норманистов, в советское же время господствовал антинорманизм, в то время как норманизм расцвел в XX в. в зарубежной, западной исторической литературе. Так или примерно так видят суть дела и студенты, приходящие в вуз со школьной скамьи, и взрослые люди, не занимающиеся историей профессионально, но интересующиеся ею.

Как говаривал в 1970-е гг. по другим поводам один из профессоров исторического факультета Московского университета, все это «в общем правильно, но неточно, поэтому совершенно неверно». Приведу пример. В исторической науке советского периода одним из главных борцов против «норманизма» был Борис Александрович Рыбаков, видный археолог и историк. В его трудах можно встретить немало выпадов против этого течения как лженаучного направления в буржуазной историографии. Однако если бы труды Рыбакова смог прочитать кто-то из историков XIX столетия, то, исходя из того, как в них представлен конкретный исторический материал, он сделал бы однозначный вывод: автор – норманист.

Почему? Дело в том, что никакой единой дискуссии между норманистами и антинорманистами с XVIII века до наших дней не идет. В любой дискуссии главное – ее основной вопрос. А с этой точки зрения по проблеме роли норманнов в истории Руси можно говорить не об одной, а о двух дискуссиях, и дискуссиях совершенно разных.

Первая началась действительно в 1749 г. с полемики Ломоносова и Миллера. Г.Ф. Миллер (ученый, позднее много сделавший для развития российской исторической науки – он первым начал изучение истории Сибири, издал «Историю Российскую» В.Н. Татищева, при жизни автора не публиковавшуюся) выступил с диссертацией «О происхождении имени и народа российского». До него, в 1735 г., статью, касающуюся проблемы образования Древнерусского государства, опубликовал в Санкт-Петербурге на латыни другой историк немецкого происхождения, работавший в России. – Г.З. Байер; еще одна его статья на эту тему была опубликована там же посмертно, в 1741 г. В те времена еще не была развита такая историческая дисциплина, как *источниковедение*, дисциплина, призванная исследовать исторические памятники на предмет степени достоверности изложенных в них сведений. К историческим источникам подходили, как это принято сейчас называть, потребительски, с полным доверием, особенно если они древние.

И Байер и Миллер достаточно педантично, в духе немецкой науки, проштудировали известные в то время источники. Обнаружив в древней русской летописи – «Повести времен-

ных лет», – что основатель династии русских князей Рюрик и его окружение были *варягами*, приглашенными в 862 г. на княжение «из-за моря» (несомненно Балтийского) славянами и финноязычными племенами Севера Восточной Европы, они встали перед проблемой, с каким известным по западноевропейским источникам народом этих варягов отождествить. Решение было вполне естественным: варяги – это скандинавы, называемые в Западной Европе раннего Средневековья норманнами. Почему такое отождествление напрашивалось? Потому, что как раз в IX столетии у скандинавов развернулось так называемое движение викингов. Так принято называть миграционный процесс, охвативший предков датчан, шведов и норвежцев с конца VIII столетия и продолжавшийся до середины XI в. Его выражением стали набеги дружин норманнов на территории континентальной Европы (Франции, Германии, Италии, Испании) и Британские острова. Участники таких набегов и назывались викингами. Часто вслед за военными нападениями следовало оседание групп норманнов на той или иной территории – в качестве или завоевателей, или вассалов местных правителей. Варяги, таким образом, были истолкованы как те же викинги, но действовавшие в Восточной Европе. В пользу этого говорило и скандинавское, по мнению Байера и Миллера, звучание имен первых русских князей – основателя династии Рюрика, его преемника Олега, сына Рюрика Игоря, жены Игоря княгини Ольги. Наконец, в «Повести временных лет» прямо было сказано, что варяги, пришедшие с Рюриком, звались *русью*, так, как другие варяги зовутся свеями (шведами), другие урманнами (норманнами, в данном случае в узком смысле – норвежцами), другие готами (жители острова Готланд в Балтийском море), другие агнянами (англичанами)¹⁶. Поскольку в тогдашней историографии появление правящей династии отождествлялось с возникновением государства, постольку Байер и Миллер вполне логично приходили к выводу, что Древнерусское государство основано было норманнами.

Но дело происходило в стенах Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Эта территория на памяти большинства участников событий конца 1740-х гг. была отвоевана Петром I у шведов – то есть потомков раннесредневековых норманнов. Более того, совсем уж недавно, в 1741–1743 гг., Швеция вела новую войну с Россией, в начале которой ею вынашивались планы возвращения утерянных прибалтийских земель. И вот в такой ситуации историки – иностранцы по происхождению утверждают, что русскую государственность создали предки этих самых шведов¹⁷! Такой подход не мог не вызвать протеста. Выражением его стала позиция Ломоносова, выступавшего главным оппонентом. Ученый-энциклопедист, до этого специально историей не занимавшийся (свои исторические труды он напишет позднее), раскритиковал работу Миллера как унижающую историю России. При этом он не сомневался, что приход в Восточную Европу Рюрика был актом образования государства. Но происхождение первого русского князя и его людей Ломоносов истолковал иначе, чем Байер и Миллер: он утверждал, что варяги были не норманнами, а западными славянами, жителями южного побережья Балтийского моря.

Начавшаяся в середине XVIII в. дискуссия¹⁸ перетекла в XIX столетие. Сторонники отождествления варягов с норманнами (к ним принадлежали крупнейшие представители российской историографии – Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский) пытались подкрепить свое мнение новыми аргументами, их оппоненты, «антинорманисты»,

¹⁶ «И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сиде бо ся зваху тѣ варязи русь, яко се друзии зъвуться свеи, друзии же урмане, анъглияне, друзии гъте, тако и си» (Повесть временных лет. С. 13). В Англии во время составления «Повести временных лет» (начало XII в.) у власти была династия норманнского происхождения (с 1066 г.), и еще ранее, с IX века, норманны заселяли целые области в Британии.

¹⁷ Поскольку на Западе Европы действовали, согласно источникам, викинги из Дании и Норвегии, то «на долю» Европы Восточной оставались свеи (шведы), наиболее к ней территориально близкие, и варяги, следовательно, в трактовке Байера – Миллера оказывались именно шведскими викингами в первую очередь.

¹⁸ Ее первый раунд окончился своеобразно: в результате дискуссии в Академии наук работа Миллера была признана ошибочной, и ее тираж подвергся уничтожению.

множили версии о «нескандинавском» происхождении варягов: предлагались отождествления их с западными славянами (наиболее распространенная версия), финнами, венграми, хазарами, готами... Но по-прежнему все спорящие не сомневались: именно Рюрик и его варяги, пришедшие в Восточную Европу в 862, по летописи, году и основали государство на Руси.

К началу XX в. дискуссия практически затихла. Причиной этого было в первую очередь накопление научных знаний, особенно в области археологии и лингвистики – науки о языке. К тому времени начались археологические исследования русских древностей, и они показали, что на территории Руси в конце IX–X в. присутствовали тяжеловооруженные воины скандинавского происхождения. Это коррелировало с известиями письменных источников, летописей, согласно которым иноземными воинами-дружинниками русских князей были *варяги*. С другой стороны, лингвистические изыскания установили скандинавскую природу имен первых русских князей (Рюрика, Олега, Игоря, Ольги) и многих лиц из их окружения первой половины X в. (упоминаемых в летописи и в договорах Олега и Игоря с Византией). Из этого естественно следовал вывод, что носители этих имен имели скандинавское, а не какое-то иное происхождение. Ведь если, скажем, считать, что варяги были славянами с южного побережья Балтики (напомню, самая популярная версия среди «антинорманистов»), то как объяснить тот факт, что имена представителей общественной верхушки южнобалтийских славян (Славиний ободритов и лютичей), упоминаемые в западноевропейских источниках IX–X вв., звучат по-славянски (Драговит, Вышан, Дражко, Гостомысл, Мстивой и т. п.), а имена действующих в Восточной Европе варягов – по-скандинавски? Разве что через фантастическое предположение, что южнобалтийские славяне на родине носили славянские имена, а придя к своим восточноевропейским собратьям, зачем-то решили «прикрыться» скандинавскими псевдонимами...

Казалось бы, дискуссия была исчерпана: «норманизм» победил.

Действительно, в XX столетии авторов, утверждавших, что варяги не являлись норманнами, было немного. Причем в большинстве своем это были представители русской эмиграции. В советской историографии сторонники «ненорманства» варягов исчислялись буквально единицами (это А.Г. Кузьмин и с оговорками В.Б. Вилинбахов). Так откуда же взялось традиционное представление о господстве «антинорманизма» в исторической науке советского периода?

Дело в том, что так называемый антинорманизм советской историографии – это принципиально иное явление, чем «старый», дореволюционный «антинорманизм». Ранее обе спорящие стороны – и «норманисты», и «антинорманисты» – сходились в том, что приход Рюрика и его варяжской дружины явился актом создания государства Русь. Poleмика шла по поводу происхождения варягов. Теперь же основной вопрос дискуссии был поставлен иначе: вместо «Кто были варяги?» – «Создали ли варяги Древнерусское государство?». Тожество варягов и норманнов стало признаваться практически всеми исследователями, но тезис об образовании ими государства стал отвергаться. Формирование государства начали рассматривать как длительный процесс, для которого требовалось вызревание предпосылок в местном обществе; государственность невозможно принести извне, это не под силу никаким пришельцам; соответственно появление Рюрика стало трактоваться как не более чем эпизод в длительной истории формирования государственности у восточных славян, эпизод, приведший к появлению правящей на Руси княжеской династии. Такой подход, при котором появлению князей варяжского происхождения не придавалось решающего значения в истории становления Древнерусского государства, виден еще у В.О. Ключевского. Но, конечно, господствующим он стал в результате утверждения в отечественной историографии марксистского подхода к истории, при котором приоритет отдавался социально-экономическому развитию общества, что не оставляло возможности для «экспорта государственности». «Государство появляется там и тогда, где и когда появляются общественные классы» – этот тезис Ленина очень трудно совместить с представлением о привнесении государственности князем-пришельцем. Советские историки были «антинорманистами» именно в таком смысле: признавая, что варяги были норманнами,

они отказывали им в решающей роли в образовании Древнерусского государства, противостоя тем самым как «старым» «антинорманистам», так и «старым» «норманистам»¹⁹.

Представление о незначительности роли варягов в государствообразовании на Руси утвердилось к концу 1930-х гг. Параллельно с общим тезисом о складывании государства как длительном процессе, для которого необходимы внутренние предпосылки, сложилась (в духе тех лет) тенденция к идеологизации проблемы. «Норманизм» стал рассматриваться как направление буржуазной науки, суть которого – доказать неспособность славян к созданию своей государственности. Здесь сыграло роль использование легенды о призвании Рюрика в нацистской пропаганде: получили известность высказывания Гитлера и Гиммлера о неспособности славянской «расы» к самостоятельной политической жизни, о всегдашнем решающем влиянии на славян германцев²⁰, из-за чего славяне вынуждены были «приглашать Рюриков». После победы над фашистской Германией этот фактор отпал, но начавшаяся холодная война подставила на его место новый: «норманизм» стал рассматриваться как применяемое в западной буржуазной историографии средство искажения, принижения истории страны, первой сделавшей шаг к новой, коммунистической общественной формации.

В конце XX – начале XXI столетия можно было ожидать снятия идеологических наслоений с «варяжского вопроса», перехода к объективному рассмотрению роли норманнов в процессах, шедших в раннее Средневековье в Восточной Европе. Но наряду со взвешенными подходами наблюдается в последнее время и иное – активизация «крайних» точек зрения.

С одной стороны, появляются работы, в которых под формированием Древнерусского государства понимается исключительно деятельность норманнов в Восточной Европе, а участие славян в этом процессе практически игнорируется. Работы такого рода выходят как в зарубежной историографии (К. Хеллер, Дж. Шепард, Г. Шрамм, не говоря уже о дилетантах типа Р. Пайпса), так и в отечественной (Р.Г. Скрынников). Такой подход являет собой по сути игнорирование научных результатов, достигнутых современной славистикой, из которых следует, что на всей славянской территории после славянского Расселения VI–VIII вв. складываются устойчивые политические (а не племенные в классическом смысле) образования («славвинии»), на основе которых и шли процессы формирования государств (см. об этом главу 1 настоящей книги).

С другой стороны, возрождается точка зрения, свойственная «старому антинорманизму», – что варяги не были скандинавами. Если в 1970 – 1980-е гг. ее отстаивал практически один А.Г. Кузьмин, то позднее подобные взгляды стала высказывать целая группа авторов (А.Н. Сахаров, В.В. Фомин и др.). Этот феномен может вызвать удивление, поскольку в течение XX столетия был накоплен значительный материал (в первую очередь археологический), оставляющий ныне намного меньше сомнений в тождестве варягов и норманнов, чем на рубеже XIX–XX вв. (а точнее, не оставляющий никаких сомнений)²¹

¹⁹ Именно поэтому упомянутый выше Б.А. Рыбаков в дореволюционной историографии выглядел бы «норманистом»: ведь он признавал, что варяги – это норманны. «Антинорманизм» же Рыбакова состоял в отрицании тезиса об образовании варягами Древнерусского государства.

²⁰ Скандинавы, напомню, являются северной ветвью народов германской языковой группы.

²¹ Не случайно среди противников отождествления варягов с норманнами нет ни одного археолога, равно как и ни одного языковеда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.